

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-71-87

О.С. Петрова

**ОПЫТ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА
К РЕКОНСТРУКЦИИ ДИАЛОГА ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
И ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ
А.С. УВАРОВА)**

O.S. Petrova

**THE EXPERIENCE OF COMMUNICATIVE APPROACH
TO RECONSTRUCTING THE DIALOGUE BETWEEN
THE INTELLECTUALS AND POWER (A CASE-STUDY
OF A.S. UVAROV'S BUSINESS CORRESPONDENCE)**

Аннотация. Председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров при организации всероссийских Археологических съездов вступил в сложные бюрократические отношения с Министерством народного просвещения, что нашло отражение в деловой переписке руководства Московского археологического общества и чиновников. Текстологический анализ писем А.С. Уварова Д.А. Толстому и Б.А. Перовскому позволяет провести реконструкцию его диалога с властью, рассмотреть некоторые аспекты истории организации новой формы научного сотрудничества — Археологических съездов, впоследствии превратившихся в постоянно действующую организацию, объединившую ученых России в деле изучения памятников прошлого. Съезды проводились в 1869–1914 гг. и были тем институтом, который обозначил начальные формы организации научно-исторического сообщества и дал толчок развитию и дифференциации исторической науки. История организации Археологических съездов была непростой и довольно продолжительной. От принятия решения созвать съезд русских археологов до торжественного открытия первого форума прошло около пяти лет. Обращение к архивным документам позволяет не только ввести в научный оборот новые источники, дополнить историю Московского археологического общества, но и объяснить столь долгий период подготовки первого съезда. Благодаря использованию методологии коммуникативного подхода к материалам переписки А.С. Уварова с представителями власти фокус изучения истории научных сообществ переносится на рассмотрение и анализ характера контактов и взаимодействия людей,

---

Петрова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Petrova Olga Sergeevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-916-813-61-57; osp-1@yandex.ru

представлявших эти сообщества. Основной целью статьи является выявление роли личности лидера для процесса формирования профессиональной идентичности и институционального оформления научных сообществ разных уровней, а также оценка познавательных возможностей коммуникативного подхода к изучению научных сообществ пореформенной России. Коммуникативный подход, направленный на осмысление форм, содержания и развития общественной коммуникации, дополняет представление о человеке, в данном случае — о человеке науки, о его повседневном мире, частных формах общения, возникающих интеллектуальных сетях и связях, которые складываются между учеными.

Ключевые слова: Археологические съезды, Московское археологическое общество, А.С. Уваров, коммуникативный подход, антропологический поворот, научно-историческое сообщество, делопроизводственные материалы, деловая переписка.

Abstract. While organizing All-Russian Archaeological Congresses, Chairman of the Moscow Archaeological Society Count A.S. Uvarov entered into a complicated bureaucratic relationship with the Ministry of Public Instruction, which was reflected in the business correspondence between him and officials. Textual analysis of Uvarov's letters to D.A. Tolstoy and B.A. Perovsky allows us to reconstruct his dialogue with the authorities and to consider some aspects of the history of organization of a new form of scientific cooperation, Archaeological Congresses, which subsequently became a permanent institution that united Russian scholars in the study of monuments of the past. The Congresses held between 1869 and 1914 were the institution that introduced the initial forms of organization of the scientific and historical community and gave an impetus to the development and differentiation of historical science. The process of the organization of the Archaeological Congresses was complicated and rather long. It took about five years from taking the decision to convene a Congress of Russian archaeologists to the grand opening of the first forum. The research on archival documents allows us not only to introduce new sources and to complement the history of the Moscow Archaeological Society, but also to explain why such a long period of preparation of the first Congress was needed. Thanks to the use of a communicative approach to A.S. Uvarov's correspondence with government representatives, the focus of studies of the history of scientific communities is shifted to consideration and analysis of the nature of contacts and interaction between people who represented these communities. The main aim of the article is to reveal the role of the leading personality in the process of formation of professional identity and institutional structure of scientific communities at different levels, as well as to evaluate the cognitive possibilities of the communicative approach to the study of scientific communities in post-reform Russia. Communicative approach, aimed at comprehension of forms, content and development of public communication, contributed to the study of a man of science, his everyday world, private forms of communication, emerging intellectual networks and ties between scholars.

Keywords: Archaeological Congresses, Moscow Archaeological Society, A.S. Uvarov, communicative approach, anthropological turn, scientific-historical community, record materials, business correspondence.

Актуальность заявленной темы подтверждается особым интересом историков к методологиям, позволяющим раскрывать гуманитарные аспекты изучения прошлого, в том числе отношения и связи историков-интеллектуалов пореформенной России с властью. Баланс академической свободы и государственного регулирования науки, ускорение или сдерживание процесса развития определенных областей во многом зависели от государства и его институций. При этом нельзя отрицать роль личных связей и контактов чиновников и представителей научного сообщества в этих вопросах. Обращение к «закулисию» политики в области науки и культуры во многом обусловлено тем, что одной из современных тенденций развития исторической науки является расширение исследовательского арсенала историков, которые все чаще используют оптику видения «истории через личность», что является результатом «исторического поворота», возрождения «нарративной истории», фокусирующей внимание на событиях, культуре и индивиде, и проявляется в росте исследовательских практик, обсуждении этой проблематики на различных дискуссионных площадках¹. Историки отводят все более значимую роль в объяснении моделям и способам поведения акторов исторического процесса. В рамках заявленной темы внимание может быть направлено на «действующее лицо», понимаемое как социальная и культурная конструкция в системе отношений с властью в форме консенсуса или конфликта, способное на действие внутри исторического контекста.

В предлагаемой статье сделана попытка реконструкции диалога с властью, нашедшего отражение в деловой и личной переписке графа Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884), выдающегося интеллектуала Российской империи, стоявшего у истоков формирования русского национального исторического сообщества. Его имя стоит в почетном ряду основателей Императорского Русского археологического общества, Императорского Московского археологического общества, Исторического музея в Москве. Задумав в 1864 г. проведение Археологических съездов, которые будут собираться на постоянной основе с 1869 г. вплоть до Первой мировой войны и объединят

---

¹ История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005; Межкафедральный круглый стол «Актуальные проблемы персональной истории» (Минск, 29 января 2013 г.) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 8 / Отв. ред. А.П. Сальков, О.А. Яновский. Минск, 2013. С. 272–308; *Мишалова Е.В.* Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 157–173; и др.

усилия академического сообщества, а также любителей и знатоков «древностей» в деле изучения и сохранения памятников прошлого, он неизбежно вступил в сложные бюрократические отношения с Министерством народного просвещения, что нашло отражение в деловой переписке руководства Московского археологического общества и чиновников.

Основными задачами статьи являются выявление роли личности лидера для процесса формирования профессиональной идентичности и институционального оформления научных сообществ разных уровней, а также оценка познавательных возможностей коммуникативного подхода к изучению научных сообществ на примере истории формирования как региональных обществ, так и национального исторического сообщества Российской империи, складывавшегося в том числе и благодаря деятельности новой формы организации исторической науки — Археологических съездов.

В отечественной историографии вопросы правительственной политики по отношению к научным обществам были затронуты в работах В.И. Чеснокова, который описал процесс подготовки первого Археологического съезда (1869 г.) и взаимодействие Московского археологического общества (далее — МАО) с Министерством народного просвещения². Взаимоотношения археологов с государственными структурами Российской империи и с российским обществом изучались А.С. Смирновым³. На первый план в этих работах был поставлен вопрос о влиянии государственных институтов на науку, о соотношении археологами своих научных устремлений с идеологическими доктринами империи. В более широком плане деятельность МАО и Археологических съездов представлена в работах А.А. Формозова, Н.И. Платоновой, Л.С. Клейна⁴.

В последнее время изучение процесса институционального оформления научно-исторического сообщества в XIX в. становится важным направлением историографических исследований. Схолярная проблематика в научной литературе представлена весьма разнообразно. Одними из первых сформулировали понятие «научное сообщество» и описали его специфику Р. Мертон, Т. Кун, Т. Парсонс.

---

² Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века. Исследовательские очерки. Воронеж, 1989. Гл. 2. С. 56–95.

³ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011.

⁴ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010; Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. Т. 1.

Р. Мертон определил основные императивы образа жизни и смысла научного сообщества, среди которых — универсализм (внеличностный характер научного знания), коллективизм, бескорыстие и скептицизм⁵. Т. Кун подчеркивал влияние всей социально-культурной жизни общества на развитие научных сообществ, а также на конкурентную составляющую их взаимодействия. В работах Т. Парсонса обращают на себя внимание методология структурного функционализма применительно к изучению научных сообществ и предложенная ученым теория социального действия.

Во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в. в отечественной историографии вопросы науковедения были подняты в трудах А.В. Свешникова, А.С. Степанского, И.И. Комаровой, В.П. Корзун, Г. Лайтко, А.С. Смирнова и др.⁶ В центре внимания ученых — различные институции, связанные с научными школами или научно-историческим сообществом. По мнению исследователей, процесс институционализации науки нашел отражение как в развитии научных школ, которые представляют собой «объединения единомышленников, занимающихся производством научного знания (исследовательская функция) и воспитанием себе подобных (образовательная функция)»⁷, так и в создании научных (ученых) обществ, особой формы интеллектуального объединения, существующей для развития и распространения академической дисциплины. Если научная школа, как правило, имеет неформальный характер, объединение ученых в рамках школы осуществляется посредством приверженности одному предметному полю, единой методологии и методам исследования, то научные общества являются институциями, которые всегда имеют организационную структуру и юридическое оформление. Среди целей научных обществ, закрепленных в нормативных документах, уставах или правилах, наряду с академическими, обычно ставятся и задачи популяризаторские, что предопределяет более широкое представительство: членами научного

---

⁵ См.: *Мирская Е.З.* Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки*. Вып. 11: *Этос науки на рубеже веков*. М., 2005. С. 13.

⁶ *Лайтко Г.* Научная школа — теоретические и практические аспекты // *Школы в науке* / Отв. ред. С.Р. Микулинский и др. М., 1977. С. 227–229; *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков: пособие по спецкурсу / Под ред. Н.П. Ерошкина. М., 1982; *Комарова И.И.* Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // *Археографический ежегодник за 1986 год*. М., 1987. С. 85–96; *Смирнов А.С.* Государственный патернализм и археологическая наука // *Российское государство: истоки, современность, перспективы*. Липецк, 2012. Ч. II. С. 84–91.

⁷ *Корзун В.П.* Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 16 (270). С. 100.

общества могут быть не только академические ученые, но и представители образованной среды — преподаватели, чиновники и др.

В начале XXI в. заметным явлением в отечественной историографии стали работы, выполненные под влиянием «антропологического поворота», акцент в таких исследованиях переместился на самого человека, на его непосредственный опыт в историческом процессе⁸. Как справедливо отметила В.П. Корзун, знакомя слушателей своего лекционного курса «Методика историографического анализа» с практиками антропологического описания, антропологический поворот — «это не только интерес к человеку, в данном случае к человеку науки, но и интерес к формам проживания жизни человеком науки, его повседневному миру, интерес к приватным формам общения, определенным интеллектуальным сетям, которые складываются между учеными, причем не только в рамках одной профессии. Помимо “очеловечивания” историографических трудов историческая антропология ориентирована изначально на обновление методики и проблематики исследования, на использование достижений социальной и культурной антропологии, социологии, лингвистики»⁹.

В практиках исторических исследований антропологический поворот проявляется в сфере методологии посредством использования коммуникативного подхода, который позволяет сфокусировать изучение научных сообществ на характере контактов, взаимодействиях людей, представляющих эти сообщества, выйти за рамки видения сообщества как института, воспроизводящего научное знание. Коммуникативный подход как комплементарный к «традиционному» институциональному предполагает типологию коммуникаций, представленную как внутринаучными, так и внешними коммуникациями, связанными с социокультурным контекстом, включающим и властный уровень, а также институциональными и личностными коммуникациями. При этом важным критерием типологии коммуникаций является способ трансляции информации: коммуникации устные, письменные, печатные и др. Способы трансляции информации во многом определили значимость источниковедческой реализации методологии коммуникативного подхода в практиках изучения научных сообществ с точки зрения поиска, выявления и методов

---

⁸ См., например: *Сидорова Л.А.* Стиль жизни и научного творчества историков России на рубеже XIX — XX вв. // *История и историки: историографический вестник.* 2007. М., 2009. С. 108–119; *Бычков С.П., Вандалковская М.Г., Корзун В.П., Свешников А.В., Хряков А.В., Мамонтова М.А. и др.* Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005.

⁹ *Корзун В.П.* Указ. соч. С. 99.

критики и интерпретации информации, содержащейся в различных по видовой принадлежности источниках.

Представляется чрезвычайно интересным российский опыт изучения организационных форм институционализации национального научного сообщества, к исследованию которого наряду с традиционными методами может быть применена методология коммуникативного подхода. Хорошо известно, что функции «материнской» дисциплины история делила на первых порах с археологией, названной «помощницей истории». Как отмечал К.Н. Бестужев-Рюмин, предмет археологии охватывал «весь круг памятников, оставшихся от древнейшей жизни... Все остальные знания, так называемые вспомогательные науки истории, суть часть археологии»¹⁰. Неслучайно дискуссии шли о «водоразделе» в предметах этих дисциплин. Кроме того, по факту именно в недрах археологии как науки о древностях во многом формировалось предметное поле истории, представленное такими ее областями, как региональная история, краеведение, а также вспомогательными дисциплинами — исторической географией, эпиграфикой, геральдикой, нумизматикой и др. Со временем археология утратила статус «прародительницы», превратившись в историческую дисциплину с четко очерченными границами предметной области, предполагающими изучение прошлого человечества по вещественным источникам. Однако именно съезды археологов, проводившиеся по инициативе А.С. Уварова в 1869–1911 гг., были тем институтом, который обозначил начальные формы организации научно-исторического сообщества и дал толчок развитию и дифференциации исторической науки.

История организации Археологических съездов была непростой и довольно продолжительной. Решение о созыве первого съезда русских археологов было принято на заседании МАО 3 ноября 1864 г. На этом заседании его председатель А.С. Уваров, говоря о развитии археологической науки и ее методах изучения памятников, о задачах, стоящих перед МАО, отметил наиболее важную из них — «уничтожение равнодушия к русским древностям и возбуждения общего, живого участия к русской археологии» — и назвал «самую действительную и коренную» меру для решения этой задачи: созыв «ученых съездов»¹¹. Реконструкция процесса организации Археологических съездов может быть проведена по обширному корпусу делопроизводственных материалов, хранящихся в Центральном

---

¹⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. I. СПб., 1872. С. 14.

¹¹ Уваров А.С. О деятельности, предстоящей Московскому Археологическому обществу. Вступительная речь председателя гр. А.С. Уварова // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. I. Вып. 1. М., 1865. С. V.

архиве г. Москвы (ЦГА г. Москвы, ф. 454, оп. 2), Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 733, оп. 142), Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (ИА ИИМК РАН, ф. 4, оп. 1), а также по опубликованным протоколам заседаний МАО в периодическом издании общества «Древности».

Сложность работы с архивной частью данного корпуса документов заключается не только в том, что они оказались распределены по разным фондам. Взаимосвязанная документация корреспондентов распалась, и для ее восстановления необходимо аккумулировать информацию разных фондов. Например, инициативный документ, на основании которого возникает переписка, — начальное звено в цепочке писем — отложился в одном архиве, а ответы на данное письмо — в другом. Нужно отметить и то, что если в делопроизводстве государственных учреждений, как правило, создавались и затем сохранялись копии исходящих документов («отпуски»), то в архиве общественных организаций их зачастую нет, или они имеют форму черновика, трудночитаемого с точки зрения палеографии, и не всегда идентичны по содержанию оригиналу. Тем не менее, даже отсутствие некоторых элементов в цепочке деловой переписки позволяет по содержанию одного документа понять, о чем шла речь в отсутствующем, восполнить пробелы, поскольку формуляр делового письма предполагал отсылку к исходящему документу (например: «На письмо Вашего сиятельства от 30 прошлого апреля за № 480 поспешаю ответить, что...»¹²; или: «В дополнении к письму моему от 12 декабря за № 279 имею честь уведомить Ваше сиятельство, что...»¹³).

Согласно протоколам МАО, графу А.С. Уварову понадобилось около 9 месяцев, чтобы перейти от идеи к действиям: на заседании 19 августа 1865 г. он предложил ходатайствовать перед правительством о разрешении созвать Археологический съезд, были названы его главные задачи: «1) установить известные аксиомы, которые послужат первым основанием русской археологии, подвергнув их всестороннему рассмотрению для определения их только местного характера или их применения вообще к русским древностям; 2) сохранение наших памятников, приискание мер для защиты их от всякого повреждения и представление этих мер правительству с целью спасти их от разрушения и остановить, наконец, уничтожение остатков нашей старины...»¹⁴.

¹² ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 59.

¹⁴ Летопись общества // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. I. Вып. 2. М., 1867. С. 81.

Вскоре по инициативе графа А.С. Уварова была создана особая комиссия для разработки вопроса о подготовке съезда и начаты переговоры с другими научными обществами и отдельными лицами о созыве Предварительного (Подготовительного) комитета. «Комиссия по устройству съезда» должна была «ходатайствовать перед министром народного просвещения о “высочайшем соизволении на открытие” съезда и созыв Предварительного комитета», «просить об отпуске денежных средств», до получения «высочайшего разрешения» начинать «подготавливать» и «возбуждать силы на заготовление рефератов по археологическим вопросам», а также «обсуждать те предметы древности и те вопросы по археологии, которые должны занять видное место в программе будущего съезда»¹⁵.

По данным деловой переписки МАО можно в деталях реконструировать весь процесс начального этапа. В феврале–апреле 1866 г. научные общества и учреждения получили письмо-отношение, в котором подробно излагались задачи съезда, а также предлагалось собрать Предварительный комитет, который занялся бы подготовкой съезда, было определено время и место работы комитета, а именно — «первые числа мая 1866 г.» в Петербурге. Авторы обозначили свою позицию в отношении состава комитета: три человека от Императорского Русского археологического общества, два — от МАО, по одному от других научных обществ. С момента создания комитета подготовительная комиссия должна была прекратить свою деятельность, а Предварительному комитету предписывалось принимать вопросы по научной проблематике, которые стали бы основой для программы будущего съезда¹⁶.

Однако к назначенному сроку Предварительный комитет I съезда не был создан. По свидетельству супруги председателя МАО П.С. Уваровой, «года 1866 и 1867 посвящены... выяснению среди самих членов общества полезности этого созыва и тех вопросов, которые все более и более назревали как по сохранению памятников, так и по разработке остальных вопросов изучения родной старины»¹⁷.

Обширная переписка руководителей общества с коллегами отложилась в архиве МАО, и на ее основании можно в деталях реконструировать процесс научной и организационной коммуникации. В большинстве случаев эти письма содержат слова поддержки

---

¹⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 66. Л. 16–17.

¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 50–51.

¹⁷ Уваров А.С. Сборник мелких трудов: издание ко дню 25-летия со дня кончины / Под ред. гр. П.С. Уваровой. В 3 т. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910. С. 137.

начинанию графа А.С. Уварова, размышления о том, как лучше устроить дело, хотя и негативные мнения также имели место. Анализ писем позволяет не только очертить круг корреспондентов на персональном уровне, но и наметить институциональную структуру формировавшегося научного сообщества. Корреспондентами председателя МАО выступали представители академических структур, высших учебных заведений, губернских статистических комитетов и др.

Изучение материалов позволяет выделить в особую группу источников деловую переписку графа А.С. Уварова с Министерством народного просвещения и его главой — графом Д.А. Толстым. Инициатором переписки выступал председатель МАО, он ходатайствовал перед министром о разрешении съезда русских археологов и о созыве Предварительного комитета. В ответ на письмо А.С. Уварова от 30 апреля 1866 г. Д.А. Толстой написал, что «признавая и со своей стороны устройство предложенного Московским археологическим обществом съезда русских археологов полезным и желательным, я не встречаю никаких препятствий к открытию в Санкт-Петербурге Предварительного комитета для подготовительных к съезду работ»¹⁸. В отношении самого съезда министр попросил графа А.С. Уварова действовать согласно существующему порядку, а именно: «Высочайшее разрешение... должно быть испрашено по предварительном сношении с г. министром внутренних дел чрез комитет гг. министров». Со своей стороны он добавил, что также будет представлять этот вопрос перед Комитетом министров, для чего попросил предоставить информацию о времени и месте съезда, а также о «тех ученых вопросах, которые предложены будут к обсуждению на оном»¹⁹.

В мае 1866 г. было получено разрешение для проведения подготовительных мероприятий, в частности, для создания Предварительного комитета. Переписка с министром народного просвещения продолжалась весьма интенсивно в этот период. По мнению В.И. Чеснокова, переписка А.С. Уварова и Д.А. Толстого строилась «не столько на основе официальных отношений Министерства народного просвещения и Московского археологического общества, сколько на уровне доверительных отношений двух сановников, из которых каждый имел графский титул»²⁰. Об этом свидетельствует «тональность» переписки. Так, например, в письме от 10 июня

---

¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 30.

¹⁹ Там же.

²⁰ Чесноков В.И. Указ. соч. С. 59.

1866 г. Д.А. Толстой, отвечая на просьбу А.С. Уварова о предоставлении возможности участия в съезде и о выделении средств для ученых, «связанных службою», написал: «...имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство уведомить меня, в каком размере, по Вашему мнению, потребуется пособие со стороны правительства»²¹. 27 ноября 1867 г. Д.А. Толстой в письме А.С. Уварову вновь перечислил свои вопросы и еще раз обозначил свою позицию: «Я готов всеми зависящими от меня средствами содействовать осуществлению предполагаемого Археологического съезда, от которого ожидаю значительную долю пользы для развития русской археологии»²². В РГИА сохранились ответы А.С. Уварова на поставленные министром вопросы, финальное письмо в этой переписке датируется 9 февраля 1868 г. Именно тогда А.С. Уваров представил в министерство «главные основания» для созыва съезда археологов, а именно — основные вопросы, которые будут подвергнуты обсуждению на съезде, информацию о продолжительности и месте проведения съезда, порядок приглашения делегатов. Тогда же он ходатайствовал о получении «высочайшего государя императора соизволения на открытие в Москве осенью текущего года съезда русских археологов», а 27 апреля 1868 г. получил за подписью товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова известие о положительном решении вопроса²³, о чем А.С. Уваров торжественно объявил на заседании МАО 7 мая 1868 г.²⁴. I Археологический съезд начал свою работу 16 марта 1869 г.

А.С. Уваров, разрабатывая идею всероссийских съездов, был твердо уверен в необходимости создания постоянно действующей организации. На I Археологическом съезде в Москве было принято решение о необходимости продолжать работу в этом направлении. Закрывая съезд, А.С. Уваров подчеркнул, что «главный вопрос о существовании Археологических съездов в России решен окончательно... нам лучше сказать друг другу не “прощай”, а “до свидания”»²⁵. 11 мая 1869 г. в Министерство народного просвещения было направлено ходатайство о возобновлении Археологических съездов. В нем говорилось, что «только при периодическом возобновлении съездов русских археологов можно надеяться на упрочение пользы, приносимой съездами, и с этой целью жела-

---

²¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 37.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же. Л. 115–116.

²⁴ Уваров А.С. Сборник мелких трудов... Т. III. С. 138.

²⁵ Труды I Археологического съезда в Москве / Под ред. А.С. Уварова. Т. I. М., 1871. С. 62.

тельно, чтобы съезды повторялись каждые три года и каждый раз собирались в другом городе, чем скорее распространится как понимание, так и уважение к отечественным древностям»²⁶. Ответ министра датируется 2 июня 1869 г., он был отрицательным и довольно обстоятельным. Мотивировался отказ так: «...при испрошении высочайшего соизволения на устройство бывшего в минувшем году в Санкт-Петербурге съезда естествоиспытателей я вместе с тем ходатайствовал о дозволении Министерству народного просвещения устраивать подобные съезды в известные определенные сроки, но Комитет министров нашел это невозможным и предоставил мне на устройство съездов естествоиспытателей испрашивать каждый раз особые высочайшие повеления. За сим едва ли можно ожидать успеха в ходатайстве о периодических съездах археологов, и я крайне затрудняюсь принять на себя такое ходатайство». Тем не менее, сама идея проведения II Археологического съезда в Санкт-Петербурге в 1872 г. была одобрена. Д.А. Толстой обещал, что «по получении своевременного об этом заявления... с полной готовностью примет на себя ходатайство по сему предмету»²⁷. Таким образом, постепенно складывался порядок, согласно которому перед каждым новым съездом председатель МАО повторял процедуру получения высочайшего разрешения.

Материалы переписки периода подготовки I Археологического съезда раскрывают еще одну интересную страницу, касающуюся вопроса о приглашении великого князя Владимира Александровича быть почетным председателем съезда. С самого начала МАО в известной мере противопоставляло себя петербургским традициям. Это касалось развития определенных разделов науки о древностях. Если Императорское Русское археологическое общество (далее — ИРАО) круг своих занятий ограничивало традиционной классической археологией и нумизматикой (в соответствии с § 1 своих «Статутов» 1846 г. и уставом 1849 г.)²⁸, то МАО объединило вокруг себя растущие силы местных специалистов и энтузиастов, ученых и краеведов, коллекционеров и историков в деле развития новых направлений, связанных прежде всего с разработкой национальной проблематики науки о древностях. По мнению В.И. Чеснокова, «высокомерной отчужденности Русского археологического общества Московское как бы противопоставило вынесение науки из залов

---

²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 368.

²⁷ НА ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–15.

²⁸ См.: История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896 / Сост. Н.И. Веселовский. СПб., 1900. С. 49–82.

заседаний в публику»²⁹. «Элитарность» и «придворность» ИРАО выражались еще и в том, что с 1849 г. оно имело статус императорского общества, а в 1852 г. его возглавил великий князь Константин Николаевич. А.С. Уваров поставил задачу добиться для МАО похожих привилегий. В РГИА сохранилось «Дело о принятии фондом наследственного цесаревича под свое покровительство Московского археологического общества и его высочеством великим князем Владимиром Александровичем звания почетного члена этого общества», датированное 31 августа 1865 г. (оп. 142, д. 239). Владимир Александрович, сын императора Александра II, в то время — товарищ президента Академии художеств, сенатор и попечитель Румянцевского музея, покровительствовал МАО, но предложения стать почетным председателем I Археологического съезда не принял.

Архивные материалы позволяют увидеть, как А.С. Уваров «для полного успеха дела и для начал отечественной науки»³⁰ пытался осуществить свой замысел. Помогал А.С. Уварову в этом вопросе граф Б.А. Перовский (1815–1881). Он входил в свиту императора, был воспитателем великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича, а в будущем станет членом Государственного совета (1874). Важно отметить, что Борис Алексеевич Перовский был сводным братом матери А.С. Уварова (внебрачным сыном А.К. Разумовского). В ЦГА г. Москвы сохранилась переписка дяди и племянника, двух представителей аристократических кругов России. В этих письмах А.С. Уваров раскрывается как человек, глубоко переживающий за свое дело. Черновик инициативного документа, написанный рукой председателя МАО, датирован 10 февраля 1869 г. Примерно за месяц до открытия съезда А.С. Уваров просил содействия Б.А. Перовского в приглашении великого князя Владимира Александровича «принять звание почетного председателя съезда и съезд открыть под своим личным председательством»³¹.

В архиве сохранился интересный документ, похожий на проект или неоконченный черновик личного письма, написанный рукой А.С. Уварова, с многочисленными правками и без указания адресата, с обращением к корреспонденту на «ты». Этот документ раскрывает внутренние переживания автора, связанные с приглашением великого князя стать почетным председателем съезда. Содержание письма показывает, что у А.С. Уварова не было уверенности, что Владимир Александрович даст свое согласие: «Признаюсь тебе, что все это

---

²⁹ Чесноков В.И. Указ. соч. С. 57.

³⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 150.

³¹ Там же.

замедление со стороны Перовского возбуждает во мне опасение в отказе со стороны великого князя»³². Более того, можно предположить, что не только Б.А. Перовский был вовлечен в этот процесс, А.С. Уваров упоминал «личные обращения» и «покровительство» своего корреспондента.

Возвращаясь к переписке с Б.А. Перовским, отметим, что последний, не имея еще официального ответа великого князя, пытался утешить А.С. Уварова. Он писал: «Я воображаю, любезный друг, сколько стаканов воды в ожидании моего ответа ты выпил, как уехал из Петербурга. Если бы я предвидел это, ни за что на свете не посоветовал бы тебе уехать отсюда. Петербург, с его величественной Невой, ничего не потерял бы от этого, между тем как Москва-река, в ней уже будто бы воды немного». В этом письме, датированном 28 февраля 1869 г., автор намекал на то, что были обстоятельства, которые могли помешать положительному ответу великого князя. Б.А. Перовский убеждал А.С. Уварова, что сделал всё, что от него зависело, и предлагал своему племяннику: «Потерпи еще два дня, выпей, пожалуй, еще лишних стакана два воды и воздержись от обвинения невинного»³³.

3 марта 1869 г., менее чем за две недели до съезда, А.С. Уваров получил официальное подтверждение тому, что его опасения не были напрасными: «Его императорское высочество великий князь Владимир Александрович, к сожалению, не может принять звание почетного председателя на съезде русских археологов по случаю предстоящей его высочеству поездки за границу на второй неделе Великого поста. В[еликий] к[нязь] поручил мне сообщить об этом Вашему сиятельству и изволит изъявлять искреннее желание, чтобы предстоящее в Москве собрание ученых принесло пользу и добрые плоды отечественной науке»³⁴. Это письмо Б.А. Перовского А.С. Уварову, но написано оно в совершенно другом тоне и стиле. Неизвестно, каковы были причины отказа, неизвестно, как отреагировал на сообщение А.С. Уваров, но это было не последнее разочарование накануне съезда.

14 марта 1869 г. А.С. Уваров получил еще одно известие, которое вряд ли могло обрадовать председателя МАО. Это была телеграмма из Петербурга от министра народного просвещения графа Д.А. Толстого следующего содержания: «Захворал, доктора не пускают в Москву. Завтра будет Делянов»³⁵. Это значило, что открывать

³² Там же. Л. 87.

³³ Там же. Л. 88–89.

³⁴ Там же. Л. 168.

³⁵ Там же. Л. 97.

съезд поручено товарищу министра просвещения. Можно предположить, что это был сильный удар по честолюбию председателя МАО, все старания А.С. Уварова по укреплению статуса Археологического съезда не увенчались успехом. Но, как бы там ни было, подготовка к съезду шла полным ходом, и вряд ли отсутствие «высочайшего покровительства» могло уменьшить его успех и значение. Справедливости ради стоит отметить тот факт, что уже на V съезде, проходившем в Тифлисе в 1881 г., «высочайшее покровительство» принял на себя наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, а МАО получило статус «императорского». Начиная же с VI съезда, уже после кончины графа А.С. Уварова, бессменным почетным председателем Археологических съездов стал великий князь Сергей Александрович.

Стоит сказать, что организаторы съездов много лет спустя восхищались тем, как легко А.С. Уваров преодолевал «трудности и препятствия, которые должны были встретиться на пути столь нового по замыслу дела, тем более трудного, что на проведение его в жизнь предполагалось употребить всего только 4 месяца»³⁶. После кончины графа А.С. Уварова его дело продолжила супруга, возглавлявшая МАО и руководившая Археологическими съездами вплоть до эмиграции в 1919 г. П.С. Уварова опиралась на тот механизм работы съездов, который создал А.С. Уваров, и на тот круг единомышленников, которым так гордился первый председатель МАО.

В заключение нужно отметить, что расширение источниковой базы, обращение к неопубликованным материалам личной и деловой переписки позволяет не только обогатить новыми фактами известные историкам события и явления, но и по-новому взглянуть на них, решить ряд вопросов, связанных как с реконструкцией исторических явлений и процессов, так и с новым видением проблемы, интерпретацией и объяснением исторической реальности. Взгляд «изнутри» на усилия А.С. Уварова, направленные на организацию такого масштабного проекта, каким были Археологические съезды, сыгравшие значимую роль в ходе институционализации научно-исторического сообщества России во второй половине XIX в., позволяет «уловить... эмоциональную энергию, которую задают лидеры научных школ», и, обращаясь к текстологическому анализу, «вычитать эмоцию»³⁷. Это расширяет понимание научной школы в социокультурном плане, а использование методологии коммуникативного подхода, применяемой к текстам личной и деловой переписки

---

³⁶ Уваров А.С. Сборник мелких трудов... Т. III. С. 138.

³⁷ Корзун В.П. Указ. соч. С. 101.

ски, дает возможность реконструировать диалог интеллектуалов с властью, который обнаружил особую роль председателя МАО графа А.С. Уварова, благодаря энергии и творческому энтузиазму которого была реализована идея Археологических съездов, впоследствии превратившихся в постоянно действующую организацию, объединившую ученых России в деле изучения памятников древности.

Список литературы

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. I. СПб., Издание Д.Е. Кожанчикова, типография А. Траншея, 1872. 450 с.

Бычков С.П., Вандалковская М.Г., Корзун В.П., Свешников А.В., Хряков А.В., Мамонтова М.А. и др. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Омский государственный университет, 2005. 683с.

История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896 / Сост. Н.И. Веселовский. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 516 с.

История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2005. 715 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 686 с.

Комарова И.И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. М.: Наука, 1987. С. 85–96.

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). С. 99–109.

Лайтко Г. Научная школа — теоретические и практические аспекты // Школы в науке / Отв. ред. С.Р. Микулинский и др. М.: Наука, 1977. С. 227–229.

Межкафедральный круглый стол «Актуальные проблемы персональной истории» (Минск, 29 января 2013 г.) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 8 / Отв. редакторы А.П. Сальков, О.А. Яновский. Минск: БГУ, 2013. С. 272–308.

Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М: ИФ РАН., 2005. С. 11–27.

Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и презентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 157–173.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 314 с.

Сидорова Л.А. Стиль жизни и научного творчества историков России на рубеже XIX — начала XX в. // История и историки: историографический вестник. 2007. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 108–119.

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.

Смирнов А.С. Государственный патернализм и археологическая наука // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Ч. II. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2012. С. 84–91.

Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков: пособие по спецкурсу / Под ред. Н.П. Ерошкина. М.: МГИАИ, 1982. 91 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство АН СССР, 1961. 128 с.

Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века. Исследовательские очерки. Воронеж: Издательство ВГУ, 1989. 209 с.

Поступила в редакцию
16 августа 2022 г.